

IV. РЕФЕРАТЫ

ОНТОЛОГИЯ ИНФОРМАЦИИ, «РЕАЛЬНОСТЬ» МЕДИЙНЫХ ОБРАЗОВ ЛЮБВИ, КОРРУПЦИИ И ПЕРЕСТРОЙКИ (Сводный реферат)

1. Kittler F. *Towards an ontology of media* // Theory, culture, and society. – Los Angeles; London; New Delhi; Singapore: SAGE, 2009. – Vol. 26, N 2–3, March-May. – P. 23–31.
2. Pettman D. *Love in time of tamagotchi* // Theory, culture, and society. – Los Angeles; London; New Delhi; Singapore: SAGE, 2009. – Vol. 26, N 2–3, March-May. – P. 189–208.
3. Белковский С. *Россию спасет ЧК*. Коррупция, а не конституция должна стать основным законом страны // Московский комсомолец. – 2010. – 26 февраля. – С. 3.
4. Зубов М. *Перестройку начал не Горбачёв* // – Московский комсомолец. – 2010. – 6 марта. – С. 3.

Введение

Предлагаемый вниманию читателя сводный реферат для понимания теоретического смысла представленных в нем статей требует пояснений.

Содержание этих статей необходимо рассматривать с точки зрения принципов когнитологии как научной дисциплины, рождение которой происходит под воздействием нарастающего влияния сформированных медийными средствами образов на характер массового поведения. В этом контексте представляется специфическая автономность образов, в совокупности создающих «парал-

лельный» материальной действительности «космос», со своей «логикой» толкования достоверности явлений жизни.

Представление об автономной реальности медийного образа, как известно, было рождено античной философией. Считалось, что образ, как *эйдос*, «отделялся» от тела и, достигая органов восприятия человека, доносил до него адекватное знание о теле. *Эйдос* играл опосредствующую роль, *роль медиа*. Это значит, что он не мог иметь своего самостоятельного смысла, — смысл ему придавала информация о том теле, от которого он «отделялся».

В ситуации информационного общества образы обретают автономность не только в силу того, что они «отделяются» от тела, но и потому, что несут в себе **самостоятельный смысл**. Из образов человек начинает строить реальность осмысленного бытия.

Это обстоятельство является важной предпосылкой рождения когнитологии как научной дисциплины, отличной от гносеологии и эпистемологии. Гносеология — это теория познания, исходными основами которого является данный в опыте вещный объект, с одной стороны, и познающий субъект — с другой. Эпистемология — это составная часть гносеологии, исследующая природу **истины** как адекватного знания, как соответствия сознания и вещи.

Когда образ превращается в автономную реальность, несущую в себе собственный смысл, традиционные гносеологические и эпистемологические представления применительно к этой сфере реальности рождают парадоксальные выводы. Именно эта ситуация, становясь массовой, объясняет парадоксы постмодернизма и их нараставшее влияние. Загадки постмодернизма разгадываются тогда, когда выясняется, что его выводы вытекают из распространения традиционных заключений гносеологии и эпистемологии на новый «космос» современной жизни, который формируется современными средствами массовой информации. Цивилизационная жизнь начинает восприниматься через посредство «симулякр».

«Симулякр» — это сотворенная человеком достоверность параллельной жизни. В ней то, как представляется, и получает свое неожиданное разрешение древний теологический и вместе с тем философский спор. Если религия признает всемогущество Бога, то это значит, что *Бог может следовать или не следовать вечным истинам*, таким как очевидная математическая истина $2 \times 2 = 4$, или логический закон противоречия, не допускающий тождества *A*

и *не-А*, или закон истории, в соответствии с которым бывшее нельзя сделать не бывшим.

Теологическая проблема исторически передается в наследство философии, которая постулирует всемогущество Разума. И здесь традиционная проблема приобретает новые очертания: следует либо признать всемогущество Разума, постигающего истину, тем самым нивелируя абсолютность свободы человека, либо утверждать абсолютность свободы личности, отвергая незыблемость истины и давая объяснение тому факту, что для человека его собственные капризы и стремление к самоутверждению могут иметь приоритетное значение.

Эта философская дилемма находит свое неожиданное разрешение в **космосе создаваемых человеком образов**. Человек, создавая образы, внутренним чувством санкционирует их достоверность и следует императивам созданного образа в реальной жизни. Здесь человек свободен абсолютно и в то же время следует императивам достоверного знания.

В результате возникает иллюзия, будто сознание человека «освобождается» от традиционных заключений гносеологии и эпистемологии, а вместе с тем от истин логики и истории.

Эта иллюзия действует не только в ситуациях межличностных отношений, с чем мы имеем дело постоянно и повсюду, но и в структурах социального и гуманитарного знания, в том числе и там, где факты, казалось бы, состоят из «бывшего», из того, что уже случилось и что изменить невозможно.

Так, например, коммунизм и фашизм – это в реальности истории два цивилизационных антипода, столкнувшихся в смертельной исторической схватке XX в. Однако путем использования технических механизмов формирования образов можно создать новую историческую реальность, в которой коммунизм и фашизм окажутся тождественными без видимого нарушения закона тождества.

Эта возможность заключена в исходных принципах формальной логики. Так, *А* обнаруживает свое тождество с *не-А*, если эти два понятия, образующие основание закона противоречия, «охватят» одной абстракцией «символическое обозначение». И *А* и *не-А* являются символическими обозначениями. Значит ли это, что они тождественны по своему содержанию?

Аналогичным образом если коммунизм и фашизм объединить в абстракции «тоталитаризма», то тогда они в формально-логическом смысле будут восприниматься как тождественные явления. Вместе с тем изменение образа изменяет и тип отношения человека к реальности. Это позволяет не бывшее превращать в реальность, а бывшие превращать в не-бывшее. При этом можно использовать сходство некоторых эмпирических черт, как, например, в сказке млекопитающее Кит превращается в рыбу, предстает как «чудо-юдо рыба Кит».

В создании образов Истина замещается субъективной достоверностью. Субъективная достоверность основывается на знании своего внутреннего чувства как формы мироощущения, в котором желаемое совпадает с *фактичностью*. Но это – фактичность особого рода.

Драматические социальные сдвиги XX в. обнажили со всей очевидностью тот акт, что человек может радикально изменять представления о самом себе, принимая их за истину. Создание собственного образа – это создание такой информационной реальности, в которой человек живет и стремится к тому, чтобы эта реальность была наиболее комфортной для него. Если речь идет о создании образа, имеющего *общую* цивилизационную значимость, т.е. **канона** образа жизни, то создаваемая достоверность образа обретает внеперсональный смысл.

Хорошой иллюстрацией этого может служить известный кинофильм «Тот самый Мюнхгаузен», созданный по сценарию Григория Горина и Марка Захарова. В этом фильме барон Мюнхгаузен предстает в качестве образца личности, следующей принципу свободного творческого поведения, противостоящего тупому и глупому социальному окружению во главе с его правителем.

В действительности аутентичный образ барона Мюнхгаузена – это фантазер и враль, каких не видел белый свет. И не трудно себе представить, во что превратится общество, если образ его «свободы» станет действительным образцом массового поведения. В определенных ситуациях фантастическое поведение является реальностью, основанной на специфической вере, принцип которой был сформулирован Тертуллианом: *certum est quia impossible* (достоверно, ибо невозможно).

В конечном счете ложность будет открываться, но каждый раз ценой этого открытия становятся немыслимые человеческие жертвы. Проблема превращения образов в реальную составляющую цивилизационной жизни имеет как теоретические, так и практические аспекты. Эти аспекты современной цивилизационной жизни оказываются в поле зрения как зарубежных, так и отечественных исследователей.

В условиях формирования информационного общества возникает отчетливая тенденция рассматривать технологии медиа как механизм создания реальности, образующей «внутренний мир» современной цивилизации и оказывающей все более заметное влияние на жизнь ее «внешних форм».

Представленный вниманию читателя сводный реферат раскрывает некоторые теоретические и практические аспекты этого процесса.

* * *

Фридрих Киттлер, возглавляющий кафедру эстетики и истории информации в Университете Гумбольдта (Берлин), а также преподающий как приглашенный профессор в Калифорнийском, Стэнфордском, Йельском и Колумбийском университетах (США), в своей статье «Вперед – к онтологии средств информации» (1) отмечает, что вопрос о возможности мыслить средствами информации, или, как он их называет, – «медиа», в терминах европейской онтологии является и ключевым, и чрезвычайно трудным. Многие, казалось бы чисто технологические и математические теории средств коммуникации, даже такие, как концепции Маклюэна и Уолтера Онга, не могут удержаться на секулярных позициях и оказываются скрытно теологичными. Вместе с тем онтология, как она определялась в «Метафизике» Аристотеля, казалась несопоставимой с сущностью медиа.

Философы, считает Киттлер, более чем какие-либо другие мыслители, забывали спросить, как медиа поддерживает их собственную деятельность. Поэтому лишь только после Хайдеггера мы начинаем развивать нечто похожее на онтологию технических медиа.

Киттлер исходит из допущения, что философия (или европейская метафизика в хайдеггеровском понимании) была просто

неспособна понять сущность медиа как медиа. И это непонимание начинается именно с Аристотеля, поскольку его онтология имела дело лишь с **вещами**, их материей и формой, но не с **отношениями** между вещами во времени и пространстве. Соответственно, концепция физического опосредования сводилась к теории чувственного восприятия вещей. Другой ключевой момент состоял в том, что греки не проводили различия между элементами артикулированной речи и артикулированными в алфавите буквами, в силу чего специфика концепции письма как средства философии выпадала из поля зрения Аристотеля.

Киттлер полагает, что этот пробел, обнаруживая себя в позиции Аристотеля, сохранялся во всей европейской философии, начиная с Фомы Аквинского и Декарта вплоть до Фихте и Гегеля. И лишь Хайдеггер, когда он обратил философию в «мышление», положил начало осмыслинию возрастающей роли медиийной техники в изменении характера мышления человека. Уже в книге «Бытие и время» он тематически выделяет казавшиеся незаметными повседневные медиийные средства, такие как очки и телефон.

В 30-е годы Хайдеггер описывает в исторических терминах такое массовое медиийное средство, как радио.

А после Второй мировой войны он увидел в рождении компьютеров фактическое начало «конца философии». «Конец философии» обозначается перемещением логики из головы мыслителя в программное управление компьютера.

Почему и как логика, открытая Аристотелем, в конечном счете привела к ее математизации и машинизации Тьюрингом и Шэнноном, а вместе с тем и к преодолению философии?

Киттлер считает, что этот вопрос сегодня необходимо ставить в строгих понятиях. Ведущую роль математики в медиийной истории теперь уже нельзя представлять как своего рода платоническую ошибку. Напротив, считает Киттлер, арифметика греков сыграла фундаментальную роль в формировании концепции бытия и онтологии. И таким образом она стала исходным основанием эпохи, в которой универсальный медиум бинарных чисел способен зашифровать, передать и сохранить все, что происходит, – от написания и счета до изображения или звучания. Тем самым универсальный медиум бинарных чисел создает любую мыслимую реальность.

Так возникает тот космос, который «вытесняет» космос философии с ее представлениями о трансцендентной реальности, которая не поддается математической обработке. Вместе с тем Киттлер подводит читателя к выводу, что медиийные средства создают такой «космос», реальность которого может стать *приоритетной* для жизни человека.

Предваряя возможные обвинения в намеренно односторонней трактовке Аристотеля, Киттлер утверждает, что с точки зрения Аристотеля бытие в его полном смысле состоит из «эйдоса» и «хиле», формы и материи. Что касается **категорий**, о которых размышляет Аристотель и в которых фиксируются **отношения**, то они, полагает Киттлер, являются **вторичными** по отношению к форме и материи.

Философы следовали видимой реальности: создание скульптуры, например, возникает в результате сочетания бесформенной расплавленной бронзы с той формой, которую придает ей мастер; считалось, что и ребенок рождается в результате соединения мужского семени, несущего информацию, с бесформенной менструальной кровью женщины.

В западной философии якобы любое бытие в качестве исходного, необходимого и достаточного должно иметь формальное и материальное основание. Это представление, считает Киттлер, стало своего рода общим местом в западной философии. Оно, однако, было поколеблено информационным прогрессом, создавшим условия для новых трактовок исходных предпосылок рождения бытия.

Что имеет в виду Киттлер? В 1971 г. Маршал Маклюэн в своем письме президенту Университета Торонто писал, что сделал величайшее открытие в своей жизни. Кратко говоря, открытие состояло в следующем: если в течение 2500 лет философы Запада, опираясь на идеи материи и формы, давали объяснение изменению любого вида бытия, исключая из этого объяснения всякую технологию, то Маклюэн пришел к выводу, что **только** естественные и живые формы могут классифицироваться как хиломорфические. Созданные человеком формы не могут классифицироваться подобным образом. Бытие, формируемое человеком, рождается **посредством технологии**. Работая над предисловием к книге Инниса «Империя и коммуникации», Маклюэн обнаружил, что Иннис потратил много времени для описания того факта, что греческая

культура была разрушена письмом и его влиянием на вербальную традицию. При этом Иннис не увидел, что западная философия вообще методично исключала «техне» из своих размышлений о бытии. Хотя Маклюэн сделал акцент на ключевой роли медийных технологий в цивилизационной эволюции, полагая, что она зависит от типов ментальности, возникающих на основе качественных сдвигов, происходящих в медийных средствах, однако, замечает Киттлер, великие открытия великих медиаисториков содержат в себе **склонность к ошибкам**. Так, Киттлер считает, что Маклюэн в своей лекции о «Метафизике» Аристотеля поставил подлинный смысл проблемы формы и материи вверх ногами. Форма и материя – это такие категории, которые происходят не из естественных, а из **технических** явлений, а затем более или менее принудительным образом переносятся на естественные явления. Хайдеггер в своей работе «Происхождение произведения искусства» с большой убедительностью доказывает, что материя и форма представляют себя наиболее очевидным образом в скульптуре, а не в камнях или деревьях. Однако факт, считает Киттлер, что любопытная филологическая ошибка Маклюэна превратилась в историческую истину. В силу этого онтология систематически исключала из своего до-мена медийные технологии. Всякое бытие, и естественное и техническое, мыслилось в категориях энтелекии и сущности, здесь и сейчас, а не в технологических оппозициях, таких как прошлое и будущее, сохранение и трансмиссия. Киттлер признает, что медиа у Аристотеля существует, **но не как часть онтологии**, а как часть механизма воздействия на психологию человека. Два элемента – воздух и вода – находятся между предметом и человеком и играют роль медиа. Следует благодарить великого грека за его признание наличия медиа, хотя бы в этой натуральной или физической форме. Поскольку греки не разделяли вокальные и письменные средства выражения, то, согласно Киттлеру, они исходили из идентичности поэзии, музыки и вокального алфавита, но не могли из них конструировать многообразный космос. Глазам атомистов открывалась только реальность, состоящая из четырех элементов, из которых они и конституировали космос. Даже Аристотель лишь однажды провел различие между голосом и письмом, когда он писал, что если звуки речи являются знаками форм бытия, то написанные буквы являются вторичными знаками этих звуков. Метафизика,

как заметил Деррида, всегда забывает технические медиа. Забвение собственных средств выражения является причиной отсутствия медийной онтологии.

Киттлер иллюстрирует свою мысль ссылками на то, как медийные средства, такие как рулоны папируса, определяли характер прочтения зафиксированных в них текстов, так что текст и громкое прочтение текста совпадали; техническое совпадало с физическим. Когда криминальная (христианская) ересь стала подрывать основы Рима, назрела потребность в изменении книжной технологии. На христианских писателей, таких как Августин, пала неслыханная обязанность сравнивать конфликтующие книжные традиции. Христианские писатели были среди первых, кто отошел от томов папируса и перешел на пергаментные книги. Изменение технологии существенно облегчило сравнения между различными книжными источниками. И это стало оказывать систематическое влияние не только на форму, но и на содержание философии. Если греческие доксографы обсуждали предшествующих философов в простом хронологическом порядке – скажем, от Сократа до Ксенофона и от Платона до Аристотеля, – то схоластические мыслители, такие как Фома Агинский, получили доступ к широкому диапазону книг. Поэтому, решая любой вопрос в своей *«Summa theologiale»*, он, прежде чем принять свое решение, ссыпался на библейские источники, аристотелевские определения, на утонченных представителей патристики.

Знаменитый печатный станок Гуттенберга положил конец этому полифоническому, но все еще ремесленному характеру размышлений. Книги стали все чаще печататься на родном языке и обретать национальный характер. Так, Рене Декарт создал совершенно новую онтологию. Он забыл или притворялся, что забыл, *все традиционные школы*. Чтобы утвердить **себя** в качестве автора новой эпохи в смысле эпохи модерна, он сел перед очагом, вооружился пером, чернилами и чистыми листами бумаги, приняв в качестве единственного критерия неодолимую **ясность и определенность**, свойственные алгебраическим операциям. 26 букв алфавита и их математические деформации, такие как сложение и вычитание, извлечение корня, превратили онтологию, как в эпоху греческих пифагорейцев, в область элементарной алгебры.

Иммануил Кант, поставив в центр своей онтологии трансцендентальное это, стал создавать новый порядок, следуя которому Фихте в своих университетских лекциях стал избавлять студентов от традиционных учебников, которыми они пользовались со времен св. Фомы. Вместе с тем немецкий идеализм предвосхитил не только новую академическую свободу Гумбольдта, но и знаменные декларации Ницше.

«Бытие и время» М. Хайдеггера – это новая революция XX в. В 1927 г. молодой Хайдеггер призвал к «разрушению метафизики» как таковой. Он видел в этом разрушении путь к реальности бытия человека. Существа, такие как мы сами, отличаются от других существ двумя отсутствиями – будущего и прошлого. Дистанцирование от них – это знаменитая черта современного бытия-в-мире. Приближение к реальности бытия означает освобождение от метафизических абстракций и изменение нашей ментальности. Например, философская категория материи обретает содергательную конкретность как кожа на сделанных вручную ботинках. Очевидно, что это – не аристотелевская материя, а нечто имеющее непосредственное отношение к убитым животным. Через такое видение материи формируется и отношение к природе вообще, как и к тем средствам производства и жизни, которыми мы пользуемся.

Например, форма металлического молота имеет образ, наиболее подходящий для нашей руки и ее будущей работы. Комната – это не абстрактные картезианские координаты, а конкретное место, имеющее реальное отношение к тому, что мы ходим и смотрим, разговариваем и слушаем. В этих реалиях бытия опосредующие медиа начинают формировать свой специфический мир. Когда приятель Хайдеггера приблизился к нему на улице, то это значит, что при помощи очков, находящихся у него на носу, он подошел к нему **гораздо ближе**, чем их разделяющее расстояние на асфальте. Когда Хайдеггер звонит Ханне Арендт по телефону, то ее любимый голос оказывается к нему гораздо ближе, даже чем сама телефонная трубка. И наконец, когда современный человек стал потребителем радионовостей, то эти новости всего мира «оторвали» его от его собственной экзистенциальной аутентичности.

Киттлер утверждает, что технические медиа – очки и телефон, – соответствуя один к одному глазам и ушам, способны их

замещать, раскрывая их таинственную сущность. Это позволяет утверждать, что в конечном счете происходит деструкция метафизической онтологии, ибо сущность явлений обнаруживает себя через действие медиальных средств, определяющих онтологию конкретных реальных трансмиссий. Так радио, как изобретение, стало средством реализации экзистенциального стремления человека сокращать дистанции. Тем самым сущность пространственного бытия человека изменяется, и этот пример весьма впечатляющ.

Киттлер подчеркивает, что Хайдеггера не слишком интересовал вопрос, кому атрибутировать изобретение радио. Он видел в аэропланах и радио технические медиа, характеризующие *сущность нашей эпохи*. Позднее он приходит к выводу, что современные технические орудия, и прежде всего изобретение компьютера, не могут мыслиться просто как объекты. Напротив, компьютерная технология и человек нераздельны и связаны бесконечной петлей обратной связи, и поскольку логика перемещается в компьютер и тем самым перестает быть задачей обучения, которую решает профессор, то философия подошла к своему концу.

Что означает конец философии? Этот конец означает рождение зари мышления. Мышление становится универсальным и лишается своего национального колорита. Как этот процесс влияет на европейское мышление? Европейское мышление исчезает в своей глобальной экспансии.

Киттлер подводит читателя к мысли о том, что развитие современных медиасредств создает для человека новый мир, новый космос, требующий и новой онтологии. Он заключает свою статью следующими выводами: вместо того чтобы подчинять людей дихотомии формы и материи, нужно научиться выговаривать, хотя бы для данного времени, *новую троицу, состоящую из команд, адресов и данных*. Это и будет онтология медиа в условиях твердой силиконовой физики и архитектуры фон Ноймана. Возможно, наступит день, когда вместо громоздких и serialных силиконовых связей родится новая заря, осуществится долгая мечта: будут созданы компьютеры, основанные на параллельных и миниатюрных квантовых состояниях. Иными словами, компьютерное мышление определяет стратегию духовного развития человечества, а точнее, его постепенного отмирания. Человек нового смелого мира перестанет ставить себя перед мучительными проблемами, возни-

кающими на почве традиционной метафизики. Переход к новой онтологии, возникающей на основе средств современных медиа, означает историческое «освобождение» от дихотомии материи-формы, соединение с реальными формами бытия, свободного от загадок метафизических абстракций, и, наконец, освоения новой онтологии – онтологии троицы команд, адресов и данных. На основе этой онтологии и формируются образы субъектов и объектов, определяющие характер их отношений.

Закономерно возникает вопрос: существуют ли практические формы новой онтологии или же это романтическая идея, не получившая своей достаточно убедительной реализации в жизни?

Возможен ли реальный переход к обществу, в котором на второй план «уходит» то, что *дано* в качестве материи и многообразия ее форм, реальных тел, их взаимных связей и отношений? Очевидно, что сложность, противоречивость и нарастающая дискомфортность этих отношений делают все более притягательными отношения и реалии, которые создаются информацией. Информационные сети становятся тем новым космосом, который начинает «осваивать» человек. Ключевой составляющей этого процесса становится мир межличностных отношений. Как «осваивается» этот сложный мир?

Попытку на опыте Японии и США подойти к ответу на этот вопрос мы находим в статье Доминика Петтмана, профессора культуры и медиа, преподающего в Юджин Ланг колледже свободных искусств Новой школы (США). Статья называется «Любовь времени Тамагочи» (2).

Доминик Петтман воспроизводит бытующую на Западе легенду, будто молодые люди Японии почти всегда склонны назначать свидания скорее алгоритму, нежели человеческому существу. Асоциальные молодые – и не только слишком молодые – мужчины флиртуют с виртуальной женщиной на своих ручных компьютерах. Они осознают, что их «подружками» являются компьютерные программы, но это не снижает их эротического влечения и психологического воздействия тех смс-посланий, которые они получают. Подобно тому как плачет ребенок, когда умирает его игрушка Тамагочи, эти мужчины льют слезы, если отвергаются своими избранницами и если архитекторами искусственного интеллекта их отвергает.

Цель статьи, подчеркивает Д. Петтман, не в том, чтобы подтвердить правдоподобие этой легенды на улицах Токио или Осаки, а в том, чтобы высказать культурологические опасения и в то же время проявить любопытство, которые возникают тогда, когда наиболее человечный опыт – интимность отношений или любовь – в возрастающей степени **осмысливается технологиями**, которые устанавливают связь одного агента с другим и определяют характер этих связей.

Как известно, комплекс индустрии военных развлечений формирует «игровое пространство». Это всеохватывающая логика представления, поскольку она была закодирована (или даже пере-закодирована) согласно целевым императивам видеоигр. Игры придают смысл реальности, оставляя игроку лишь набор опций, с тем чтобы направлять его действия в различных обстоятельствах жизни. Такая перспектива определяет ту сцену, которая приближается и к характеру поведения дигитального Ромео. В этом контексте онтологические различия между объектом любви, состоящим из тела и крови, и сказочным аватаром исчезают и скорее кажутся похожими на различия между блондинками и брюнетками, нежели действительным и иллюзорным. Эти тенденции обретают все более массовый характер. К. Хейлес в одной из своих работ отмечала, что американцы все, хотя и в разной степени, полюбили эти мелькающие изображения, будь то кинозвезды, порнозвезды или песня визуальной сирены, – все эти образы вооружены соблазняющими крючками, чтобы зацепить глаза, сердца и кошельки.

Вместе с тем происходит *трансформация либидозного образа*, с которым ассоциируются любовные отношения. Если во времена Фрейда либидозное влияние связывалось с образом действия паровой машины, то сегодня этот образ становится все более виртуальным и ризоматичным. В итоге возникает глубокое противоречие в самом сердце жизни человека. Мы, американцы, говорит Петтман, продолжаем отчаянно охранять мир любви как принадлежащий *исключительно личности человека* и имеющий место только между людьми. И вместе с тем сегодня существует столько исключений из этого неписаного правила, что становится все труднее жить в век столь очевидных отступлений. Американцы охотно признают, что любят свою собаку, свою автомашину, свои новые туфли, свою

квартиру или даже свою страну. Но это все же не та **подлинная любовь**, которая предназначена любовнику или невесте.

Конечно, нельзя игнорировать культурные различия между Японией и Соединенными Штатами. Обманчиво простая мантра «Я тебя люблю» имеет мало смысла в Японии, где фразы, начинающиеся с выражения личных чувств, крайне редки. И вместе с тем, как это установил Бернар Штиглер, логика самой технологии допускает кросскультурные генерализации. Мы все несем в себе определенное метакультурное наследие, которое играет все более важную роль в условиях глобализации.

Петтман полагает, что происходит возникновение «новой сферы» наподобие ноосферы, о которой говорили Вернадский и Тейяр де Шарден. Под воздействием интерактивной практики возникает виртуальный резервуар коллективного сознания. Видеоигры, вебсайты, аватары и другие виртуальные миры и характеры циркулируют через национальные и культурные границы, подчиняясь глобальной «наступающей общности». Все более широко наблюдаемая общность вырастает из виртуальных обменов информацией, находящейся под воздействием сегодняшней гиперлинейдозной экономики.

Петтман для прояснения возникающей ситуации предлагает начать с рассмотрения современной функции сверхзнакомого утверждения «Я вас люблю».

Ссылаясь на исследования Жана-Люка Мариона, Жана-Люка Нэнси и Кайа Сильвермена, Петтман утверждает, что необходима ревизия картезианского *cogito*, согласно которому «Я мыслю, следовательно, я существую». В действительности «Я существую постольку, поскольку я любим». Иными словами, мы возникаем в других и через других. Сингулярное бытие индивида плюрально, и в силу этого «Я» не предшествует «Ты», но обретает бытие через акт любви. В этом смысле скорее субъект является формой конденсации многих, нежели многие состоят из отдельных индивидов.

Эта онтологическая предпосылка кристаллизует перспективу наших социальных отношений. С этой точки зрения утверждение «Я вас люблю» – это команда для исполнения заложенной в культуре программы действий. Именно поэтому в разные эпохи такое заявление обязывало заявителя обеспечивать возлюбленную в финансовом отношении, жениться, похитить, пожертвовать собой –

все это в зависимости от особенностей времени и места. Для некоторых теоретиков, таких как Никлас Луман, всякий секс является **киберсексом**, поскольку он есть результат коммуникации, запрограммированной рутинными правилами. Мы даже можем говорить о кибернетическом оргазме, точно так же как мы говорим о кибернетическом организме.

Когда мы инициируем культурные ритуалы, сопровождающие ухаживания (которые мы переживаем как сугубо личные и интимные), в действительности мы следуем своего рода гипертекстуальным представлениям, которые заново утверждаются каждым поколением в соответствии с особенностями социальных и экономических условий. В известной мере кодификация интимных отношений *всегда* была дигитальной, поскольку она всегда соответствовала сериям «yes» – «no», «on» – «off» в реализации опций и их параметров. «Он меня любит», «Он меня не любит» и т.д. Здесь фиксируется не различие человека и машины, а различие между любимым или нелюбимым только в зависимости от фиксируемого ответа. Решение дилеммы любимый или нелюбимый здесь имеет приоритет. И это оказывает все более заметное влияние на характер отношений в некоторых странах. Возьмем, например, игры с симуляцией свиданий. Такие игры пользуются популярностью в Японии и нарастающей популярностью в таких регионах, как Китай, Корея и Сингапур. И это составляет контраст с Соединенными Штатами или Европой. Жанр этих игр тяготеет к стилю Манга с ключевым образом, основанным на представлении об одиночном игроке с его ведущей ролью в процессе всего хода игры.

Описывая опыт такого рода игр, Петтман приводит оценки газетой «Дейли Иомиури» обмена посланиями виртуальных возлюбленных. Газета отмечает, что некоторые эксперты считают, что сегодняшние молодые люди не заинтересованы в налаживании серьезных отношений, что и объясняет популярность такого рода игр, которые позволяют испытывать чувства влюбленности, но без беспокойства за те возможные неприятности, которые возникнут, если дело пойдет не так, как хотелось. Организация «Бандан Нетворкс К°» предлагает такую игру, которая называется «Любовь через электронную почту». Пользователь этой игры может обмениваться посланиями с одной или семьью виртуальными женщинами

нами различных возрастов и занятий. Цель игрока – завоевать любовь избранной женщины. Эта цель может быть реализована с помощью 90 электронных посланий. Игра длится около месяца, и в конце игрок получает окончательный ответ от женщины. Ответ зависит от успеха в завладении ее сердцем. Соответственно, ответ может быть прочитан как либо «Вы всего лишь друг», либо «Я вас очень люблю».

«Почтовые друзья», считает Петтман, являются примером того, как либидозные отношения проникают в медийные средства. Многие люди испытывают глубокие чувства, которые могут проходить без контакта лицом-к-лицу. Молодежь Японии шагнула далеко в этом направлении и сделала виртуальные контакты **систематической интегральной частью своей жизни**. Юко Каваниши, профессор социологии (Университет Тэмпл, Япония), именно такие отношения считает типичными для современной молодежи. Молодые люди считают, что чем больше посланий у них на телефонах, тем больше друзей они имеют. Они считают их «реальными друзьями». Понятию «реальные друзья» противополагаются сконструированные фантазией астрономические образы, такие, например, как аватары.

Экспериментирование с медийными идентичностями позволяет изучать различные поведенческие формы, манипулировать несколькими вариантами романтических приключений, похищать у других людей их идентичность и даже данные их кредитных карт и, кроме того, уходить от сковывающих условий опыта действительной жизни. Оно освобождает человека от нравственного давления: если вы не видите лица и глаза людей, то вы можете быть более откровенными. Корин Ашер, английский клинический психолог, отметила: исследования показывают, что отсутствие возможности смотреть другому прямо в глаза делает личность свободной.

Разумеется, опосредованная форма отношений, как и дистанцированное ухаживание, не является чем-то принципиально новым. Том Стэндэйдж, например, рассказывает, как в XIX в. два оператора, работая на телеграфе и не имея возможности встречаться, полюбили друг друга, общаясь с помощью азбуки Морзе. Этот заочный роман завершился успешным бракосочетанием, но это было редкое исключение из общего правила.

Сегодня подлинная близость уже не требует обязательного физического сближения, а физическое сближение не обязательно определяет подлинную близость.

Страны, испытывающие радикальную переоценку нравственных ценностей, пытаются дать адекватный официальный ответ на те вызовы, которые несут с собой новые формы отношений, возникающие под воздействием мобильных технологий. В Китае, например, возникла дискуссия о том, можно ли считать «виртуальные связи» предметом брачного законодательства. Сегодня многие супруги приводят виртуальные связи в качестве мотива для развода.

Сигнал мобильного телефона, означающий начало романтической встречи двоих, и исчезновение ощущения неприличия, окружающего сами возможности подобных встреч, убеждают человека в том, что он стал обладателем внутреннего статуса киборга, и убеждают гораздо больше, чем тысячи групповых чтений Донны Харавей.

Феномен виртуальных встреч обретает все более массовый характер. В Интернет, отмечает Петтман, помещен сайт для свиданий по e-mail под названием «e Harmony». Он призывает людей объединяться в соответствии с 29 измерениями совместимости, разделенными на такие группы, как эмоциональный темперамент, социальный стиль, способ мышления, физические особенности, а также жизненные качества – мастерство отношений, ценности и верования, основы опыта. Эти ключевые сферы, говорится на сайте, создают ваш портрет, определяют, кем вы являетесь на самом глубоком уровне. Это и создает базис для выяснения, с кем вы можете быть совместимы. И вы должны это знать, прежде чем посыпать ваше первое послание виртуальному партнеру по e-mail. Каждый день 90 участников сайта «e Harmony» успешно вступают в брак. «e Harmony» может помочь вам быть уверенным в том, что, если даже однажды вы совершили ошибку, в следующий раз вы наверняка полюбите нужную вам личность.

Конкурентом «e Harmony» является сайт «Match.com». Создатель сайта платит большие деньги Триш Мак Дермит за то, что она выполняет сюрреалистические функции вице-президента Романтики, описывая онлайнсвидания как «влюбленность изнутри». При этом любовь и похоть, хотя эти категории необходимо разли-

чать, смешиваются в одном флаконе, который называется «Желание». И в «е Harmony» и в «Match.com» объяснят вам, что если на основе совпадения одного из качеств в спальне приготовить желанное для вас блюдо не удалось, то есть некоторые основания, чтобы испытать оставшиеся 28 измерений совместимости. Петтман описывает, как в своей монографии «Любовь и другие технологии» он дискутировал с ключевым событием книги Уильяма Гибсона «Айдору». В ней описывается встреча между реальной рок-звездой и виртуальной поп-звездой Рей Тоей. Последняя возникает не на экране, а в реальном мире как голограмма. Человек – это главный герой книги – обнаруживает, что начинает краснеть, когда он смотрит в ее аккуратно сделанные зрачки.

Как сила компьютера могла сотворить нечто, подобное этому? Мы оказываемся в «таинственной долине». Термин «таинственная долина» ассоциируется с исследованиями японского специалиста по робототехнике Масахиро Мори. Он проводил психологические эксперименты, изучая человеческие реакции на роботов, обладающих различными степенями антропоморфизма.

Петтман отмечает, что в этот момент происходит что-то важное, если человек начинает испытывать чувство стыда перед «лицом» не-человека. Чувство стыда – это ощущение прикованности к чему-то, неспособности оторвать себя от него, невыносимого присутствия себя в чем-то ином. Это – дезориентирующая одновременность субъектификации и десубъектификации. Если использовать традиционный язык, то это – встреча Человек с Бытием.

Антропоцентризм и гуманизм, утверждает Петтман, – это мощнее силы, направленные на то, чтобы решительно утверждать различие между биологическим и техническим. И вместе с тем, однако, импульсы романтизма подготовили нас к тому, чтобы полюбить «композитные неописуемости» в их различных видах. К их числу, например, относится Кари, онлайновая игрушка, виртуальная подружка. (Кари – это акроним, который расшифровывается следующим образом: Knowledge Acquiring and Response Intelligence, что можно перевести как обладание знанием и ответное понимание).

Кари помнит все, что вы ей говорите, и всегда стремится разговаривать и делать то, что делают реальные девушки. Кари

нуждается в заботе и внимании, и если вы полюбите ее, то она ответит вам взаимностью и тронет вас.

Тимоти Мортон в своей книге «Экология без Природы: переосмысление эстетики окружающей среды» (2007) пишет, что самым этическим актом является любовь к другим скорее за их *искусность*, нежели за нахождение доказательств их *естественности* и *аутентичности*¹. В этой связи Петтман приводит пример Элоизы и Абеляра, которые любили друг друга, не соприкасаясь и лишь общаясь посредством тех фантазмов, которые возникали в их нейронах. Конечно, можно возразить, что существуют «реальные люди», так что их любовные сигналы в головах возвращаются к реальным людям. Но с другой стороны, психоаналитики учат, что в любовных отношениях всегда *есть что-то отсутствующее*. Это онтологический парадокс, когда кто-то здесь, находится в данном помещении, и его в то же время как бы нет. Меланхолия воспроизводит этот механизм потенциальной потери, или постоянного неполного обладания. Желание – это бесконечная метонимия, скольжение от одного объекта к другому, видение одного и стремление к другому. Не существует такого реального объекта, который мог бы полностью удовлетворить нехватку чего-то отсутствующего. Как может бесконечное желание сфокусироваться только на одном конечном объекте? Этот вопрос, поставленный Славо Жижеком, подводит Петтмана к предположению, что для поколения Тамагочи не существует такой вещи, как *объект любви*. Скорее существует *вектор любви*, т.е. распределенные качества между *многими* – людьми, характерами, образами и авторами, противостоящими фиксированному фетишу Одного, Большого Одного. Когда я и ты находимся в нескольких местах одновременно и юридически и в своем воображении, интимность интерсубъективности представляется антиподом социальному рыночному отчуждению и реальным нечеловеческим условиям существования. И это ведет в территорию глубоко постчеловеческую. В этой ситуации кажется, что новые медиасредства как раз и указывают на возникновение более сложных и утонченных форм интимных отношений сравнительно с теми версиями, которые продолжают до-

---

¹ Morton T. Ecology without Nature: Rethinking Environmental Aesthetics. – Cambridge, M.A.: Harvard Univ. Press, 2007. – P. 195.

минировать в мейнстриме рынка. Этот вывод Петтмана объясняет причину влияния «композитных неописуемостей» в качестве утонченных форм интимных отношений. Вместе с тем нельзя не заметить, что «композитные неописуемости» уводят современного человека в фантастический мир, принимающий форму реальности.

Действительная реальность интимных отношений определяется сплетением мужской и женской нитей жизни в единую ткань – *ткань жизни и смерти*. В этой взаимозависимости возникает та зрелая любовь, которая в своей сущности не совпадает с определением Мартина Хайдеггера.

Мартин Хайдеггер считал, что любовь – это осуществление **неразумного требования природы**. И это, утверждает Петтман, лучшая дефиниция любви. Вместе с тем он полагает, что любовь и технология – это термины, которые обозначают одно и то же, – процесс или движение навстречу другого. А для того, чтобы найти ключ к сердцу личности, мы пытаемся угадать код. Метафоры меняются, но в своей основе *techne любви* остается неизменной.

Если современная информационная техника способна создать образ Кари, электронную подружку, которая способна удовлетворить эмоциональные и интеллектуальные требования человеческого партнера, то происходит изменение межличностных отношений и самого понимания интимности. Новые образы формируют реальность жизни; сама жизнь претерпевает фундаментальные изменения.

Те фундаментальные заключения, к которым приходит Петтман относительно изменения характера межличностных отношений, проливают определенный свет и на «странные», которые характеризуют социальное поведение человека в современных условиях.

Если любовь – это осуществление неразумного требования природы, то в конечном счете эти требования ставят человека перед дилеммой: следовать ли общим рациональным кодам совместности или сугубо индивидуальным, кажущимся иррациональными, влечениям как выражениям уникальности человеческой сущности?

В первом случае возникает надежда на создание **упорядоченных** отношений, соответствующих исходным ожиданиям здорового смысла, но одновременно «испаряется» сущность любви как явления уникального, несущего в себе неповторимую абсолютную

ценность. Во втором случае человек переживает то мгновение, которое он хочет «остановить». Ради такого «мгновения», как представляется, можно пожертвовать всем, но вместе с тем может быть утрачена надежда на упорядоченный характер жизни.

Поскольку от разрывающей человека дилеммы уйти невозможно, то движение в направлении постчеловеческой территории представляется вполне вероятным.

Аналогичная ситуация складывается и в структурах политических отношений. Если нить жизни политика не образует единую ткань с нитью жизни государства, которое он хочет представлять, то тогда он начинает строить свой образ в соответствии со свободой личности, ее индивидуального самоопределения. Если любовь – это осуществление неразумного требования природы, то неразумным требованием политики может стать личная свобода. Если политик не отождествляет нить своей жизни с нитью жизни государства и народа, а народ позиционирует себя как конгломерат свободных индивидов, знающих только свое право быть свободными, то неразумное требование свободы, в отличие от ее разумного требования, порождает произвол деспота, полагающего существенной и абсолютно истинной свою личную волю, с одной стороны, и хаос индивидуальных самоидентификаций, в которых истинная самореализация отождествляется с реализацией личного каприза, – с другой.

Именно в этом контексте проясняются корни и мотивы возникновения «абсолютных» принципов догматика, оправдывающих унификацию мысли, природа непрерывного протesta и бунта диссidenta, который именно в них и только в них находит свою самореализацию. На этой почве возникают метаморфозы образов, которые служат нравственным, гносеологическим и социальным оправданием неразумной свободы. Созданные образы диктуют и свою специфическую логику рассуждений.

В качестве иллюстрации можно обратиться к статье политолога Станислава Белковского «Россию спасет ЧК. Коррупция, а не конституция должна стать основным законом страны» (3).

Очевидно, что коррупция стала явлением, угрожающим национальной безопасности России. Этот ее образ, адекватно отражающий социальную ситуацию, требует соответствующих механизмов борьбы с этим злом.

С. Белковский создает, однако, противоположный образ коррупции, утверждая, что коррупция в России – это благо, а не зло. Чтобы превратить этот образ в «очевидную истину», автор исходит из тезиса, согласно которому «всякий россиянин – от могущественного олигарха до простого сантехника – с детства знает: коррупция – единственный способ заставить представителей власти делать что-то полезное».

Личный опыт человека, подверженного соблазну коррупции, выдается за **универсальное знание**. Убедительность образа достигается за счет априорного утверждения, что *все* (т.е. любые социальные и профессиональные группы людей и всех возрастов) уже *знают*. Стало быть, тот, кто говорит иное, – либо *не знает*, либо сознательно лжет. Так кто же ведет борьбу с коррупцией? Стало быть, ее ведут невежды и лгуны. Массы людей, которые верят автору как представителю почтенной науки – политологии и печатному слову, сразу же меняют свою позицию, превращаясь из противников коррупции в ее сторонников, ибо не хотят оказаться в стане невежд и лгунов.

Поскольку начальный тезис как бы обеспечивает поддержку всей массы порядочных людей, то дальше можно конструировать образ «благородного» коррупционера. Его составные элементы: без коррупции и коррупционеров невозможна модернизация России; приватизация жилья, устройство ребенка в детсад и даже прокладка стратегической нефтяной трубы – все это невозможно без вмешательства коррупционера. Невозможно игнорировать позитивные отличия лица, берущего взятку, от неберущего. Если первый – приветливый, не лишенный обаяния и чувства юмора, пахнет туалетной водой, то второй – злобный, замшелый, некоммуникабельный, засыпанный перхотью, покрытый чирьями субъект.

Настоящие профессионалы во власти, утверждает автор, сохранились благодаря коррупции. Если убрать коррупцию, то во власти останутся одни недоучившиеся *ПЭТЭУШНИКИ*, считает автор. Фундаментальный вывод, который делает автор, состоит в том, что национальная модель модернизации для России в своей основе должна содержать признание того, что главным национальным *НОУ-ХАУ* должна стать *легализация коррупции*; следует создать официально образы взятки и отката как форм оплаты услуг. Образ честной коррупции (ЧК) – главное условие ее превращения в

локомотив развития России в XXI в. Если коррупционеров называть чекистами, то ни у кого не будет сомнений в их праве брать и делать во благо себя лично и, как считает автор, всей страны.

Соответственно, автор предлагает создать интернет-портал ЧК – «Электронная коррупция», который должен стать информационным базисом позитивного образа коррупции и коррупционера.

Следует заметить, что в случае с конструированием образа «честной коррупции» мы имеем дело с информационным **обманом**, поскольку коррупция в принципе не может быть честной: она является присвоением чужих средств путем незаконного использования служебного положения.

Когда политолог создает образ «честной коррупции», он нарушает исходный принцип научного знания, не совместимого с обманом и самообманом. Сфера конструирования образов в информационном обществе начинает восприниматься как сфера свободного творчества по созданию реальности, критерием достоверности которой становится субъективная убедительность. Массовое влияние – это самоцель и критерий достоверности, не зависящий от критерия истины. Эти процессы все более захватывают не только сферу бытовой повседневной жизни, но и высшие политические сферы.

Механизмы конструирования когнитивных образов играют все более важную роль в создании привлекательных имиджей политиков. Они обнаруживают свою эффективность в ситуациях, когда политики оказываются вынужденными радикально менять образ самих себя.

Ситуация XX в. характеризовалась господством в сознании масс социальных утопий, которые использовались политиками в борьбе за власть. Под воздействием исторических обстоятельств происходит падение влияния социальных утопий, но это не всегда приводит к падению и тех политиков, которые клялись в верности этим утопиям. Под воздействием смены социальных утопий происходит трансформация образа самого человека, коренное изменение его внешних форм самовыражения и политического поведения. И теория фиксирует эти радикальные перемены.

С радикальной переоценкой смысла деятельности происходит и радикальная «перерисовка» своего образа, которая может обретать массовый характер. Показательно в этом отношении свидетельство Эрнста Неизвестного. «Когда я был мальчиком в

Свердловске, – говорил он, – не было пивного ларька, у которого не стоял бы пьяничка, лично расстрелявший царскую семью. Теперь я приезжаю в Екатеринбург – все рюриковичи. Ну, на худой конец, потомственные дворяне»¹.

Люди «дорисовывают» свой образ в соответствии с движением «духа времени». Это делают не только пьянички у пивного ларька, но и представители политического руководства.

В современной российской истории наиболее яркой иллюстрацией смены своего образа как продукта расщепления само-сознания можно считать эволюции самооценки экс-генерального секретаря ЦК КПСС и экс-президента СССР М.С. Горбачёва. М.С. Горбачёв вошел в историю и в сознание масс и как истинный коммунист, и как главный лидер перестройки, и как главный идейный борец с пьянством и алкоголизмом. Это были основные составляющие его политического образа, подтверждающие его позитивное историческое значение.

Поскольку, однако, перестройка и борьба с пьянством породили неоднозначные следствия, среди которых не последнее место занимают упадок экономики и культуры, распад государства, резкое ослабление безопасности страны, криминализация общественной жизни, то М.С. Горбачёв стал конструировать иной образ самого себя как политика.

5 марта 2010 г. Фонд Горбачёва отмечал 25-летие перестройки. В своем выступлении М.С. Горбачёв отказался от авторства антиалкогольной кампании, заявив, что ее начал Л.И. Брежнев, а возглавил эту работу Алиев. Что касается перестройки, то она, как оказывается, родилась при Ю.В. Андропове в 1982 г. Андропов, заявил М.С. Горбачёв, сказал, что нужна перестройка экономики (см.: 4, с. 3). Тем самым россияне оказываются перед различными образами М.С. Горбачёва. В этом смысле М.С. Горбачёв действительно осуществил прорыв к свободе самоформирования своего политического образа. Это можно было бы рассматривать в качестве основного тезиса доклада, представленного в ходе презентации, посвященной 25-летию перестройки.

¹ Неизвестный Э. Шесть монологов // The new review = Новый журнал. – Нью-Йорк, 2007. – Кн. 249. – С. 312.

Однако, если в свободе формирования своего образа М.С. Горбачёв допускает мирное сосуществование противоположных по своему смыслу самоопределений – подлинный лидер коммунистов Советского Союза и в то же время подлинный социал-демократ (т.е. не-коммунист); инициатор и душа перестройки и вместе с тем не инициатор перестройки; идейный руководитель и первопроходец общепартийной и административной борьбы с пьянством и алкоголизмом и не инициатор и не первопроходец этой борьбы, – то тогда в логику перестройки и в ее исходные понятия закладывается такое противоречие, которое **ставит под сомнение истинность и самой практики перестройки**.

Л.В. Скворцов